

Лев Амбиндер,

РУКОВОДИТЕЛЬ
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Пресса плоха. Да здравствует пресса

2 июля в Москве Агентство социальной информации (АСИ) представило на встрече с журналистами результаты социологических исследований по проблемам и перспективам общественной поддержки деятельности некоммерческих организаций (НКО). Эта работа, только что выполненная исследовательской группой ЦИРКОН по заказу АСИ, «посвящена теме доверия граждан к благотворительным организациям; исследователям удалось выявить новые тенденции, которые обнадеживают», заявила в интервью «Ъ» директор агентства Елена Тополева.

Основанное в 1994 году Агентство социальной информации (АСИ) является одной из ведущих в РФ экспертных и информационных организаций в области развития гражданского сектора. АСИ занимается освещением гражданских инициатив и PR-деятельностью, проводит информационные кампании и выпускает книги, брошюры и бюллетени по проблемам социальной сферы. Его сайты www.asi.org.ru, www.nashi-deti.ru, www.nkozakon.ru и www.soc-otvet.ru посвящены становлению структур гражданского общества, взаимодействию НКО и власти, добровольческим инициативам, благотворительности и социальной ответственности бизнеса.

АСИ получило крупный грант на продвижение в обществе идей организованной благотворительности при помощи НКО и с вполне прагматическими целями заказало ЦИРКОНу это исследование. «Мы планируем кампанию федерального уровня», рассказывает Елена Тополева, — она должна привести к большему, чем сейчас, участию граждан в работе НКО через волонтерство и частные пожертвования. Как показывают результаты ЦИРКОНа, у граждан такая потребность есть. Вопрос в том, как совместить ее с НКО». ЦИРКОН в последние годы провел несколько таких исследований. «Ъ» уже знаком читателям с выводами на этот счет его генерального директора Игоря Задорина (см. «Ъ» от 29 июня 2007 года).

На этот раз исследование проводилось в пяти городах (Барнаул, Калининград, Краснодар, Москва и Нижний Новгород) по репрезентативной выборке среди граждан в возрасте от 25 до 45 лет и среди лидеров НКО, а также по результатам фокус-групп. Полученные результаты весьма противоречивы, но в АСИ считают, что «им можно верить, так как аналогичные исследования, проведенные в стране за последнее время, приводят к весьма схожим выводам». Так вот при том, что наши граждане по-прежнему мало осведомлены о благотворительной деятельности НКО «и динамика на этот счет не очень позитивная», впервые абсолютное большинство респондентов (80%) заявили о желании иметь больше информации о такой общественной работе, а половина опрошенных продекларировала готовность к личному участию в организованной филантропии. Новостью исследования стала «карьерная мотивация» готовности респондентов участвовать в работе НКО, и этот мотив все еще конкурирует с традиционным состраданием. Филантропия, оказывается, помогает завести нужные связи и способствует быстрому карьерному росту. Этот мотив у нас в стране отмечается впервые, на Западе он давно вошел в привычку.

О своем сегодняшнем участии в благотворительности заявили 10% опрошенных москвичей, в остальных городах этот показатель на уровне 3–4%. Это соотношение вполне объяснимо. В Москве самый высокий уровень жизни, москвичи чаще бывают за границей, они лучше знакомы с традициями филантропии в Европе и США.

Большинство опрошенных хотели бы помогать детям, прежде всего сиротам и беспризорным. При этом наиболее важными проблемами своих городов респонденты считают социальные болезни и охрану окружающей среды. Исследователи также отмечают, что большинство граждан хотели бы участвовать в организованной благотворительности в качестве волонтеров, но никак не жертвователей. Жертвовать надо лично и напрямую, по-прежнему, как и много лет назад, считает большинство, отказывая в доверии благотворительным фондам. Респонденты находят эти фонды непрозрачными и потому «воровать», показали фокус-группы, «так как у нас воруют все». При этом люди по-прежнему делают ответственность за закрытость НКО между самими этими организациями и прессой, печатной и электронной. Респонденты винят газеты и телевидение в негативном освещении деятельности НКО и создании им отрицательного имиджа. Они считают СМИ ответственными за слабую информированность населения об организованной благотворительности. Но именно прессу горожане по-прежнему повсеместно находят лучшим коммуникатором.

Однако вряд ли в ближайшее время отношение прессы к благотворительности кардинально изменится. Но есть еще интернет. Сегодня многие благотворительные фонды и другие НКО содержат собственные сайты. У этих изданий как минимум два отличия от традиционных СМИ, и оба делают их ущербными. Эти сайты безразмерны, и среди их создателей, как правило, нет журналистов. Отсутствие профессиональной редактуры делает такие сайты и сами НКО неинформативными, а не закрытыми или «непрозрачными». Зайдите в интернет и убедитесь сами: сайтам НКО, вполне непрозрачным и даже неубедительным, ежегодно жертвуют десятки миллионов рублей. Я-то убежден, что максимальная прозрачность и открытость и впрямь в конце концов дают наибольший эффект. Речь оспы Российского фонда помощи как раз об этом. Но такие инструменты очень накладны. И вот если обществом важны эти качества НКО, то, может, стоит Агентству социальной информации, реализовав свою PR-программу, присмотреться к проблемам профессиональной интернет-подготовки НКО?

Итоговое резюме ЦИРКОНа по результатам исследования читайте на сайте www.rusfond.ru.

Алла Буянова уже встает

Вчера 12-летняя Алла Буянова впервые сама встала на ноги после операции в НИИ Российского онкологического научного центра имени Блохина (Москва). У этой девочки остеосаркома левой бедренной кости. Уменьшив опухоль до «операбельной стадии», врачи удалили пораженный участок, имплантировав американский раздвижной и неоплаченный эндопротез. Это была операция взаимной, потому что она состоялась 17 июня, а рассказ о беде Аллы мы напечатали только 20 июня, но буквально вчера читатели собрали всю необходимую сумму (1,08 млн руб.), и теперь все страхи позади.

Теперь жизнь Аллы вне опасности. Через пару недель она начнет заново учиться ходить — фото Сергея Киселева

Рассказ об Алле назывался «Доверительное протезирование». Так случилось, что врачи решили оперировать девочку раньше намеченного срока, а поставщики, которым обычно требовалось месяц-полтора на изготовление протеза в США, выполнили заказ досрочно и без предоплаты, посчитав, что

Вам конфеты от Лизы

Семилетней девочке нужна срочная пересадка костного мозга

В жизни семилетней Лизы Титковой из Калуги несчастья и везение пока пополам. Острый миелобластный лейкоз, то есть рак крови, превратил Лизу в тень. За год она вытерпела шесть курсов химиотерапии и вот вновь ожила. Опухоль исчезла полностью. В Германии для нее удалось подобрать неродственного донора костного мозга, это вообще большое счастье. Но €35 тыс. на трансплантацию родителей Лизы нет, и девочка остановилась в шаге от выздоровления.

Через такой фейсконтроль мне еще проходить не доводилось. Представьте, вхожу в квартиру, меня усаживают на диван, Лиза подходит с увеличительным стеклом и внимательно смотрит, не торопясь, очень придирчиво меня осматривает. И только потом, после осмотра, видимо, поняв, что иметь дело со мной все-таки можно, Лиза попросила разрешения стаянцевать. И тут же, не дожидаясь хотя бы моего кивка, радостно пустилась в пляс по комнате.

Еще год назад врачи сомневались, что эта калужская девочка умеет разговаривать и вообще хоть как-то выражать свои эмоции. Она была совсем тенью.

На самом деле у Лизы сейчас праздник и Лиза веселится. Она впервые за полгода пришла домой. Врачи из Российской детской клинической больницы отпустили их с мамой на несколько дней в Калугу. Поэтому Лиза носится по квартире, хватается то за одну игрушку, то за другую, то за старшего брата Диму. Дима она запросто валит на пол и громко смеется, начинает целовать в щеки. Дима стесняется, в 11 лет чувства не принято выражать громко, но он явно доволен и счастлив. Титковы давно не собирались все вместе. Лиза полгода лежала в московской больнице, а до этого еще столько же в областном онкологическом центре.

Минут через десять в доме Титковых я понимаю, что не в состоянии остановить вызванные возвращением Лизы столпотворение и хаос. Лизе можно только подчиниться. И вот мы уже сидим на полу перед горкой элементов конструктора и бурно спорим, что же будем строить. Лиза настаивает на башне, Дима — на военной крепости, я пытаюсь доказать, что деталей хватит на оба варианта и нужно только решить, что будем строить сначала. Родители синхронно пожимают плечами.

Лизе этот спор быстро наскучивает. — Я сваливаю! — буквально заявляет она, и мы гуськом — а куда деваться! — идем за ней в другую комнату, где Лиза предлагает оценить свои поделки из пластилина. Передо мной тут же выстраивают пчелу, черепаха, носорога и еще пару неопознанных животных. Я смотрю на уровень исполнения и понимаю, что это как минимум сильно. В самом деле, очень похоже, а главное — с настроением. Я искренне хвалю Лизу, а она, ничуть не кочкитачивая, только отмахивается, и не такое мы, дескать, можем.

Потом мы как-то неожиданно перемещаемся на кухню, где Дима мне рассказывает, как после победы России над Голландией гуляла вся Калуга, а таксистов без российских фиалок прогнали с улиц.

— Он никогда не берет меня играть в футбол! Он монстр! — тут же закладывает мне Лиза своего брата. И улыбка при этом хитрящая.

— Елизавета, ты меня лишь, — отвечает на это Дима. — Ты же сама прекрасно знаешь, что играешь не в футбол, а в регби. Только успевай за мячом после тебя бегать.

— Зато я пенальти тебе забил! — парирует Елизавета.

Дима всем своим видом дает мне понять, что это была страшная случайность.

Мы вновь в детской комнате. На стул набрасывается одеяло, и стул превращается в сцену кукольного театра. Лиза прячется за стулом и дает свою версию спектакля «Колобок». Ее Колобок поочередно избивается от всех желающих его съесть и при этом задорно поет песни из мультфильмов. Плюшевый медведь на словах Колобка («Ешь меня, я тебе песенку спою») упал на пол замертво, но Лиза и бровью не повела — так и было задумано.

— А у вас не скучно, — выдыхаю я, когда мы остаемся с мамой и папой.

— И это мягко сказано, — вздыхают родители.

Врачи надеялись, что донором костного мозга для Лизы станет ее брат Дима, но он не подошел. А без пересадки нельзя. Что бы вылечить Лизу, нужен чужой здоровый костный мозг. Активация донора и лекарства для пересадки обойдутся в €35 тыс. фото АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

Лизина мама Люба рассказывает, что не прекращавшийся в этом доме тарарам враз стих, когда девочка сильно простудилась и никак не могла выздороветь. Когда сделали анализ крови, все стало понятно и очень страшно. После первой хими Лиза едва жила, но последние недели прошли лучше. — Мы такие. Мы песни под капельницей распевали, волонтеры приходили и слушали, а мы их за нос щипали. Врачи узнали — убили бы нас, — улыбаются Лизина мама Люба.

Врачи РДКБ надеялись, что донором костного мозга для Лизы станет ее брат Дима, но он не подошел. А без пересадки нельзя. Что бы вылечить Лизу, нужен чужой здоровый костный мозг. Цена Фонда Морша, немецкий банк данных, удалось найти неродственного донора в Европе, это огромная удача. Но на активацию донора и лекарства до и после операции нужно €35 тыс.

А я смотрю на бедную, чего уж там, обстановку в квартире. Лизина мама Люба давно не работает, она ухаживает за дочерью, а слесаря папу сократили на родном заводе, и он теперь берется за всякую работу, какую димо найдет в Калуге. Я понимаю: для этой семьи что €35 тыс., что €3 млн одинаково абстрактные суммы. Непредставимые для них суммы.

Я собираюсь уходить, мне пора обратно в Москву, в редакцию. А Лизавета все бегаёт вокруг и сначала стихи читает, а потом свои наряды демонстрирует. Наконец она убегает, но тут же возвращается с горстью конфет и вручает их мне.

— Спасибо, что зашли, — говорит мне Лизавета, — и приходите еще!

Лиза, я обязательно съем твои конфеты и еще угощу всех друзей — за твоё здоровье.

Андрей Козенко

КАК ПОМОЧЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ СЕМИЛЕТНЕЙ ЛИЗЫ ТИТКОВОЙ НЕ ХВАТАЕТ 882 726 РУБ.

Вот что рассказал заведующий отделением общей гематологии РДКБ Михаил Масчан: «Когда Лиза Титкова приехала к нам из Калуги, у нее уже был редкий миелобластный лейкоз. В свое время ее лечили калужские врачи консультантской больницы, но они спрашивали, не требуется ли потом Лизе трансплантация костного мозга. Тогда мы считали, что у этой девочки хорошие шансы выздороветь и без пересадки, но, к сожалению, ее лейкоз повел себя иначе, и произошел рецидив. Теперь Лиза лечится у нас в отделении, она получила серьезную про-

тиворецидивную химиотерапию, и нам удалось добиться полной ремиссии».

То есть у Лизы исчезли даже мельчайшие следы опухоли. И тут случился второй удар. Пока московские доктора лечили Лизу, немецким коллегам удалось найти для нее полностью совместимого неродственного донора. Теперь осталось главное: совместить ремиссию с донором и сделать пересадку, причем с ней тянуть нельзя. Поэтому место в отделении трансплантации ждет Лизу уже в июле. Но прежде надо заплатить €10 тыс. в Фонд Морша за активацию донора.

И еще Лизе понадобятся лекарства, которые не хватает в клинике, на 929 926 руб.

Как всегда, наш постоянный партнер компания «Ингосстрах» внесла 417 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Другой наш давний партнер, благотворительный фонд «Подари жизнь», оплатил поиск неродственного донора (€5 тыс.), и это благодаря его вкладу удалось так оперативно подобрать для Лизы донора. Таким образом, не хватает еще 882 726 руб.

Дорогие друзья! Сейчас время отпусков, объемы читательской помощи су-

щественно сократились, поэтому дорог каждый ваш рубль. Желаящие помочь Лизе валютой могут перевести пожертвования напрямую в Германию, на счет Фонда Морша. Рублевыми помощью мы отправим на московский банковский счет Лизинной мамы, Любови Анатольевны Титковой, либо на счет нашего благотворительного фонда «Помощь» (уредители — издательский дом «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер). Все необходимые реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Данила Япаров, 4 года, детский церебральный паралич, требуются четыре курса лечения. 136 тыс. руб.

Внимание! СОБИНАБК внес 50 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 86 тыс. руб.

Родился Данила недоношенным, всего 40 см роста и весом 1530 граммов. Через месяц его выписали с кучей диагнозов. Мы не жалели сил и денег, выхаживали, но все же у нас ДЦП, двойная гемиплегия, задержка психоречевого развития. Я медсестра и знаю, какие это тяжелые диагнозы. За два года малыш шесть раз переболел obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спазма бронхов. До сих пор Данила не ползает, издает бессмысленные звуки. У нас в городе мы испробовали все виды лечения и вот наконец попали в Институт медтехнологий. Там готовы помочь, но стоимость лечения нам не потянуть. Я четыре года занимаюсь только obstructивным бронхитом, это было ужасно: он задыхался от спаз